

Экран и сцена - 1999, - янв. (№1) - 4/16

Марина Мареева:

“Имя моего режиссера “Икс”

На только что завершившемся в Москве правозащитном кинофестивале демонстрировалось две картины, сценарии к которым написаны Мариной Мареевой. Десять лет назад такая цифра едва ли заслуживала бы внимания, но сегодня это абсолютный рекорд.

— Почему вы решили поступать на сценарный факультет ВГИКа?

— Лет в 12-13 у меня появилась большая белая книга о ста фильмах золотой поры американского кинематографа. “Пугало”, “Кабаре”, “Уловка 22” и другие. Короткий пересказ содержания, рецензии и фотографии. На всю жизнь запомнилась Лайза Миннелли в котелке, с ногой, поставленной на стул. Я не видела ни одного из этих фильмов, но в отличие от наших, каких-то слишком правильных, точных, политкорректных, что ли, в них угадывалась странность, некий внутренний сбой, который пленял. Моя семья жила в провинциальном городке западной Сибири, куда из Питера был сослан мой дед. У нас были книги, питерский семейный уклад, но в общем замкнутый мир отшельников. Вот откуда я и собралась “В Москву! В Москву! В Москву!”

В 17 лет я поступила в мастерскую Евгения Габриловича. Сразу и без платы. Сдала все творческие экзамены и завалила общеобразовательные. Но Евгений Иосифович специально приехал из Матвеевского и попросил, чтобы меня приняли. На курсе мастер редко появлялся. Преподавал индивидуально. Рассказывал о западных фильмах, которые нам не показывали. И я помню, как он, уже будущий человеком преклонного возраста, был потрясен, посмотрев “Последнее танго в Париже”. Он воспринимал фильм о страсти, странностях любви, глазами и душой молодого человека.

— Какие-то правила, этику отношений сценаристов с окружающим киномиром Габрилович преподавал?

— Мне лично Евгений Иосифович сказал: запомни, написав сценарий, никогда не рвись на съемочную площадку, не смотри материал, не ходи на премьеру. Все, что ты увидишь на экране, принесет разочарование и горечь. За редким исключением.

И это не вина режиссеров. Просто, ты пишешь свои истории, а они снимают свои.

Я всегда помнила эти заповеди и всегда их нарушала.

Мне, естественно, хотелось увидеть актеров, услышать, как они произносят мои слова. Понять, где я ошиблась. Ведь если актер спотыкается на реплике, значит она написана неправильно.

Но те режиссеры, к которым я рвалась на площадку, не пускали, а к тем, что звали, я не стремилась.

В течение трех лет длился грустный опыт сотрудничества с Романом Балаяном. Написанные нами 22 варианта сценария — на самом деле похороны изначального замысла. Он снял 24-й вариант. Балаян очень талантливый режиссер, но мне он противопоказан. Я тяготею к внятной, жесткому сюжету, истории с героем, настоящим мужчиной. Балаян представлял персонажа рефлексирующего, странного, в фильме, наполненном туманом, неопределенностью. Наше соавторство было обречено на неудачу. Я должна была понять это и уйти.

Съемки фильма “Две луны, три солнца” проходили в двух шагах от моего дома. А я сидела в квартире и слушала телевизионное интервью, где актриса рассказывала, как играет “собачку”. Но я не писала четвероногую, я писала героиню с чувством собственного достоинства. Получилось то, что получилось.

Габрилович учил: если режиссер не твой — лучше (для тебя и для него) уйти. Тем не менее этот урок был полезен, потому что даже сейчас, в кризис, я позволяю себе роскошь отказывать не своим режиссерам.

— Значит вы предполагали обрести в Балаяне “своего режиссера”?

— Его первой идеей, благодаря которой мы встретились, был римейк “Полетов во сне и наяву”. Я не оригинальна, настаивая, что в одну реку дважды не входят. К тому же не берусь назвать хоть один римейк, достойный того, с чего его делали. Мы с Балаяном безуспешно прорабатывали варианты. В результате, как человек честный, верный и обязательный, Балаян решил, что не может меня бросить, мы должны что-то сделать вместе. Получились “Две луны, три солнца”. При всем несовершенстве этого фильма, обструкция, устроенная на премьере в Доме кинематографистов, кажется мне избыточной. В картине есть жизнь, есть нерв, которых начисто лишены многие произведения, встреченные в тех же стенах куда более доброжелательно.

Но нет худа без добра, неудача подхлестывает честолюбие художника. Впрочем, что думает об этом Балаян, я не знаю.

— Имена ваших сокурсников известны широкой публике?

— Фильм Маши Хмелик, который мне очень нравится, наверное, посмотрела вся страна —

“Маленькая Вера”. Ей повезло, она нашла своего режиссера — Василия Пичула. Он же ее муж. Редкий случай божественного соединения. Сейчас они заканчивают новую работу, надеюсь, фильм получится.

Лида Боброва счастливо соединила две профессии, став сценаристкой и режиссером. К сожалению, я ни одного ее фильма не видела. Просто редко “хожу в свет”, в Дом кино. Замкнутая жизнь стала стилем. Так повелось с детства и не изменилось в Москве. Специфика работы пишущего человека склоняет к одиночеству. Наверное, самая одинокая профессия в мире.

— Каким было впечатление от первой картины, поставленной по вашему сценарию?

— С Сашей Хваном меня познакомил Габрилович. Я экранизировала рассказ Евгения Иосифовича, и Хван снял дипломную работу “Шнур”. О фильме я ничего не могу сказать, о режиссере у меня остались самые нежные воспоминания. Он был чрезвычайно вдумчив и выжал из меня все, что ему было нужно. После Хвана таким был только Балаян. Остальные режиссеры брали сценарий и уходили.

Единственный режиссер, которому я могу сказать спасибо, — Вячеслав Сорокин (“Тоталитарный роман”). Он звал на площадку, советовался, не давил. Скажу самонадеянно и искренне: он не переписал меня и, что еще более дорого, сохранил интонацию, заложенную в сценарий. Так же бережно Сорокин работает с актерами. К тому же он не сделал ставки на звезд, а нашел двух малоизвестных артистов. Теперь их так не назовешь. Молодого талантливого артиста из театра имени Маяковского Сергея Юшкевича, о котором говорят несправедливо мало, и Галину Бокашевскую, театральную актрису из Санкт-Петербурга, получившую уже не одну фестивальную награду за этот фильм. Кстати, это моя особая гордость сценаристки: “героини” моих фильмов получают главные призы на фестивалях. Елена Сафонова (“Принцесса на бобах”), Елена Шевченко (“Две луны, три солнца”), Галина Бокашевская (“Тоталитарный роман”).

— Вы участвуете в конкурсах сценариев?

— Я не умею писать заявку, даже по готовому сценарию. Легче написать новый сценарий, чем заявку на десять страниц. К тому же не хочу чувствовать себя скаковой лошадью на ипподроме, мне неудобно в ситуации общего забега. Но когда-то я получила первый приз на конкурсе “Надежда”, который, к сожалению, больше не проводят.

— Вы пишете сценарии “в стол”, или там пу-

сто?

— Все, что я пишу, практически сразу находит режиссера. А мне кажется, что пишу я немало, приблизительно два сценария в год. Правда, был большой перерыв после окончания ВГИКа, когда я родила ребенка. В кино было время чернухи и прочей гадости. Я воспитывала сына и зарабатывала, печатая на машинке. Однажды ко мне как к машинистке обратился Кирилл Разлогов. Он попросил обратить внимание, что в фамилии Фосс два “с”. Не зная, разумеется, что для меня Боб Фосс еще с той фотографии Миннелли из “Кабаре”, был и остается маяком в жизни.

С 91-го года я начала писать и поняла, как много потеряю времени.

А в столе пусто, только бумаги и копирки. Я пишу на моей заветной красно-белой машинке “Юнис” и, наверное, никогда не перейду на компьютер.

— Получается, что ваши сценарии находят режиссеров, но никого из них “своим” вы не считаете? Какие фильмы должен снимать или снимает ваш режиссер?

— Мой любимый фильм “Начало”. Глеб Панфилов снимает редко и пишет сам.

В передаче “Мое кино” Виктора Мережко показали отрывки из фильма молодого человека, его имени я не запомнила. Но запомнила его ответ на вопрос “какое кино он хочет делать?”. — “Традиционное”. Я абсолютный консерватор, старомодный или, если хотите, советский, в лучшем смысле слова — кинематографист. Я люблю фильмы с героями, которым можно сострадать, о которых помнишь. Мне кажется, зрители вернутся в залы, где пойдут фильмы без стеба, постмодернизма, прикрывающего дилетантизм тех, кто их делает.

Имя моего режиссера “Икс”. Среди моих условных ровесников, которых я не отвергаю, мне почти никто неинтересен.

Приятным исключением стало знакомство с режиссером Сергеем Урсуляком. Он не боится рефлексировать, признавать, что не все так хорошо получается, как ему бы хотелось. Он умен, талантлив, умеет работать с актерами и, я надеюсь, будет успешен в профессии. Я совершенно потрясена последней картиной Сергея Снежкина “Цветы календулы” — холодной, умозрительной, профессиональной и талантливой.

Но ведь то, что у меня нет своего режиссера, имеет и положительную сторону. Каждый раз я надеюсь на новую встречу, нового человека, новую историю.

— Часто говорят, что сценаристы востребованы только своим поколением. Стареют

написанные истории, и стареют снятые фильмы. Вы думаете, между возрастом и кинематографом есть параллель?

— Кино — возрастная вещь. То есть, с возрастом уходит способность делать энергетическое, сильное, зрелое кино, теряется чувство, ощущение современности. Есть исключения из правил. Самые лучшие фильмы не стареют. В юбилей Баталова я снова смотрела “Летят журавли” и снова ревела. Почти сорок лет существования фильма ничуть не изменили его энергетики. А неталантливый фильм, сделанный неделю назад, устарел уже на неделю. Но печальная возрастная логика в кинематографе неумолимо существует. На круглом столе Выборгского кинофестиваля по “современной драматургии”, где я и Юрий Коротков представляли молодых, сидели Валентин Черных, Павел Финн, Владимир Валущий и Александр Миндадзе. И только последний работает много и успешно.

— Кто ваш первый читатель или внутренний рецензент, удостоенный полного доверия?

— Есть такой замечательный человек, грандиозный профессионал, редактор Людмила Филипповна Шмуглякова, живая легенда “Мосфильма”. Когда шла работа над “Белым солнцем пустыни”, она привлекла к соавторству с Валентином Ежовым молодого сценариста Рустама Ибрагимбекова для привнесения в фильм восточного менталитета. Эльдар Рязанов, Владимир Меньшов и сейчас ездят к ней в Матвеевское за советом. Езжу и я.

Я пишу для двух-трех человек. Понравится маме и сыну — это хороший стимул. И я не верю, и не понимаю, когда говорят, что пишут для себя или для всех.

— У вас вышла книга “Принцесса на бобах”. Ощущение, сравнимое с выходом фильма?

— Книга не очень хорошо покупается, я недовольна результатом. Вообще, если бы не издательство “Вагриус”, которое я считаю самым интеллигентным, интеллектуальным и уважаемым у нас, я ни за что не взялась бы за скучное переписывание сценария. Но неудача разбудила здоровую злость. Предлагается издать трилогию, и взяв такой андерсеновский зачин, второй будет книга “Стойкий оловянный солдатик”, третьей “Казино “Снежная королева”. Три истории в жанре, которого я не стыжусь, — современной сказки. Сказки для взрослых, нужные не меньше, чем для детей. Сказки предлагают рецепты выживания. Я не стремлюсь выжать слезы, как об этом пишут критики, но я рассчитываю на слезы, очищающие душу.

Я рассказываю сказки себе, и себе даю рецензии. И хотя плохо слушаю — учусь.

— Марина Мареева с двумя “мар”, открывающими имя и фамилию, — это просится на афишу. Случайно, не псевдоним?

— Я спрашивала об этом маму. Но она просто читала книгу с именем Марина, когда ждала моего появления на свет. Существует такая примета, что в двойной букве — залог успеха. В нашей профессии это довольно важно. Долгое время я думала, что Марина переводится как морская, а недавно узнала, что есть значение “горькая”. Мой опыт горя, боли меня не сломал, а сформировал и слепил. Быть горькой не так уж плохо.

— Вы не боитесь поделиться планами на ближайшее будущее?

— Сценарий “Последнее танго в Москве”, к счастью, понравился Владимиру Меньшову. Но грянуло 17 августа и — денег нет.

Я писала историю страсти. Меньшов, по моему, остается самым чувственным режиссером в нашем кинематографе. Он снимает земные, теплые, сердечные отношения живых людей, за которыми интересно наблюдать. Он знает секрет народного кино. При этом, не играя в поддавки со зрителем. Он сам — русский народный.

Уповаю, чтобы наша работа получилась, и боюсь оглянуться.

P.S. Наш разговор состоялся до обыска, произведенного налоговой полицией в квартире главного редактора издательства “Вагриус”. Марина прокомментировала это событие.

М.М.: Когда Владимир Григорьев собирал книги с пола своей квартиры, в Доме кино еще проходил правозащитный кинофестиваль, в проведении которого участвовало и издательство “Вагриус”. Какая-то горькая ирония. Правомерность фестиваля совершенно очевидна. Страшен каждый следующий день, мы должны быть готовы защищать себя, своих друзей и издателей.

Беседовала Алиса ХМЕЛЬНИЦКАЯ